

Ф.Б. Шёнк

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН В ЦЮРИХЕ

Тот факт, что определенные места в Швейцарии сегодня воспринимаются как «русские места»¹, «места русской истории» и «русские места памяти», связан со специфическими процессами их интерпретации и освоения, в которых важную роль играли вопросы самоидентификации более поздних поколений. Русский писатель Михаил Шишкин, который с 1995 г. живет в Швейцарии, так описывает этот процесс в предисловии к своему литературному путеводителю «Русская Швейцария» (2003): «Чужая страна останется чужой, пока не найдешь себе здесь родных и близких. Я стал искать Гоголя и Бунина, Рахманинова и Стравинского, Герцена и Набокова, как бедный провинциал, который разыскивает в столице богатых родственников» [Schischkin 2003, S. 7 и далее]. Когда после своего приезда в Швейцарию писатель начал искать «родных» и «близких», он с удивлением обнаружил, что в Гельветии «тесно от русских теней» [Ibid., S. 8].

Поиск «русских мест» в Швейцарии вписывается в традицию, которую можно проследить с конца XVIII в. Например, Ф.М. Достоевский знакомился с Конфедерацией по маршруту Н.М. Карамзина, а Иван Бунин в 1911 г. ходил смотреть на отель «Швейцергоф», описанный Л.Н. Толстым в рассказе «Люцерн»².

В XX в. традиции поиска русских следов в Швейцарии возобновили советские «туристы», начавшие приезжать сюда с конца 1950-х — 1960-х гг. [Bertschi 1991]. После смерти И.В. Сталина, хрущевской оттепели, в гостевых книгах швейцарских гостиниц снова появились русские имена. Советские путешественники сильно отличались от русских отдыхающих начала XIX в. или от состоятельных туристов конца того же века — туристы из СССР хрущевского времени приезжали в Швейцарию только в составе официальных делегаций и должны были выступать в роли публичных представителей Советского Союза. Такие поездки на Запад являлись, разумеется, привилегией лишь для особо надежных советских граждан.

Помимо полководца А.В. Суворова, совершенно особое место в швейцарских рассказах русских туристов занимает фигура В.И. Ленина, который, как известно, жил в годы эмиграции в Женеве, Берне и Цюрихе. Вот как описывают поиск «ленинских мест» в Берне и Цюрихе в 1958 г. И. Першина и З. Гусева: «Разыскиваем ленинскую квартиру на улице Дистельвег, разыскиваем буквально, так как из всех

¹ Выражение «русские места в Швейцарии» использует, например, М. Максимов: [Максимов 1989].

² О Бунине см.: [Riggenbach 1991, S. 292].

ленинских квартир в Швейцарии только на единственном доме в Цюрихе висит мемориальная доска. Во всех других местах мы ходили, предварительно выпи-сав из писем Ленина к Крупской указываемые ими адреса <...>. Мы проходим по бернским улицам, останавливаемся у зданий, где Ленин жил, выступал, работал, смотрим на зеленую воду Аре, на блистающие вдали снега горных вершин, и ка-жется, что мы не одни здесь в незнакомом городе — всюду с нами незримо он» [Гусева 1960, с. 98, 101] — и вот они снова здесь, «русские тени», о которых писал Михаил Шишкин в своем литературном путеводителе.

Писатель и жесткий критик советского режима Александр Исаевич Солже-ницын, остановившийся после своей высылки из СССР в 1974 г. сначала в Цюри-хе, вспоминает о том, как его буквально преследовала здесь тень Ленина. Еще до приезда в Швейцарию нобелевский лауреат начал собирать материалы для своей эпопеи «Красное колесо», посвященной Октябрьской революции. И волей исто-рического случая самый известный критик советского строя попал именно туда, где руководитель большевиков строил планы по революционному перевороту в России [Conquest 1976]³. С 1914 по 1917 г. Ленин готовил здесь падение царизма, а через шестьдесят лет Солженицын в том же месте продолжил борьбу с ленин-ским строем⁴. Поэтому современники Александра Исаевича во франкоязычной Швейцарии уже в феврале 1974 г. усмотрели в приезде писателя «живую антитезу ленинского пребывания в Цюрихе» [Solschenizyn im Spektrum der Meinungen 1974, S. 23]. Знаменитый британский историк Джеффри Хоскинг сравнил Солженицы-на и Ленина с двумя дуэлянтами, встретившимися в Цюрихе через толщу лет на виртуальном поединке. Оба системно и неустанно работали, оба верили в свою миссию и оба были убеждены в правоте своей позиции. Один стоял у истоков СССР, другой стремился показать миру реальное лицо этого строя [Hosking 1976, p. 277].

В своих воспоминаниях о годах эмиграции Солженицын подчеркивает, что уже в 1974 г. он не мог точно ответить, почему после короткой остановки у Ген-риха Белля в Лангенбройхе в регионе Эйфель (земля Северный Рейн-Вестфалия) выбрал именно Цюрих. Сказать, что он хочет проследить путь Ленина, означа-ло бы стать слишком легкой добычей для ищущих сенсаций журналистов. А то, что первым адресом Солженицына в Цюрихе была квартира адвоката Фрица Хееба, управляющего издательскими правами его книг на Западе, могло показаться слишком тривиальным фактом (хотя здесь и стоит искать основную причину «выбора» Швейцарии в качестве места жительства).

На повторяющиеся вопросы журналистов о причине приезда именно в Швей-царию Солженицын немного нехотя отвечал, что он продолжает традицию Алек-сандра Герцена, который часть своей эмиграции провел в Швейцарии и неодно-кратно хвалил демократическую систему этой страны [Солженицын 1998, с. 70].

³ О причинах выбора Цюриха местом жительства в эмиграции см. свидетельство самого Сол-женицына: [Solschenizyn 1974], cp.: www.spiegel.de/spiegel/print/d-41784648.html (24.8.2011); [Ericson, Klimoff 2008, p. 34 и далее; Thomas 1998, S. 516].

⁴ См. статью Эрнста Кукса в «Нойе Цюрхер Цайтунг» («Neue Zürcher Zeitung») от 18 февраля 1974 г., цит. по: [Der Fall Solschenizyn 1974, S. 103]. Cp. также: [Hosking 1976].

Сам Александр Исаевич также не раз положительно отзывался о системе прямой демократии в Швейцарии, напоминая ему принцип работы новгородского вече [Pearce 2011, p. 239 и далее⁵; Солженицын 1998, с. 111]. Особенно его поразила традиция проведения кантональных выборов в Аппенцелле, на которых он побывал незадолго до своего отъезда в Канаду: «Такую демократию я еще никогда не видывал, не слыхивал» [Солженицын 1998]⁶.

Но если отвлечься от данного аспекта, то можно сказать, что Солженицын не чувствовал себя в Швейцарии по-настоящему комфортно. Довольно быстро он пришел к выводу, что не сможет здесь жить и работать, и начал строить планы по переезду в более спокойное и «более свободное» место. Не в последнюю очередь это было связано с его личными впечатлениями от жизни в стране. «Побег» писателя в глушь американского Вермонта, безусловно, был ускорен его негативным опытом при взаимодействии с западной общественностью и прессой [Там же, с. 54]. Журналисты буквально осаждали Солженицына и членов его семьи, преследуя их на каждом шагу. Любое действие знаменитого диссидента находило отражение в западной прессе: где и когда он купил письменные принадлежности, в каком магазине приобрел очки, когда чистит зубы, с кем встречался и что сказал в частном или публичном разговоре⁷. У Александра Исаевича это вызывало настоящую неприязнь. «Да вы хуже гебистов!» — крикнул он как-то раз навязчивым журналистам на одной из прогулок по Цюриху⁸. Такое пристальное внимание к своей персоне, граничащее с массовой истерией, Солженицын в интервью «Зюддойче Цайтунг» («Süddeutsche Zeitung») назвал «западной формой культа личности»⁹.

Недоумения у Солженицына вызывали и различные попытки «Запада» использовать его имя в целях идеологической борьбы с политической системой

⁵ Об интервью Солженицына американскому телевизионному каналу в июне 1974 г.

⁶ Возможно, важной причиной скорого отъезда Солженицына из ФРГ, страны, входящей в НАТО, было и то, что он не хотел подвергать свою личность дискредитации, запланированной советским правительством. Ср.: Solschenizyn im Exil // Die Zeit. 22.2.1974. № 9. S. 17.

⁷ Ср., например: Der erste Tagin Zürich // NZZ. 18.2.1974. № 80. S. 19. Критические письма читателей по поводу этой статьи в «Нойе Цюрихер Цайтунг» (далее — NZZ) см. в: NZZ. 22.2.1974. № 89. S. 21. Читатели укоряли журналистов данного издания в том, что в погоне за сенсациями они ничем не отличаются от других «газетных гиен». В своем ответе на критику бурных реакций в прессе, связанных с приездом писателя, NZZ 19 февраля замечает, что существовала возможность привезти Солженицына в Швейцарию и без информирования общественности. Однако целенаправленно было решено сообщить журналистам точное время прибытия писателя в Цюрих (19.2.1974. № 82. S. 21). Сам Солженицын вполне рассчитывал на общественную реакцию: во время своей поездки из Кёльна в Цюрих он надел тюремную одежду из московского Лефортово. Снимки писателя в полосатой робе появились тогда во множестве газет.

⁸ Ein Stück Ruhe für Solschenizyn // Basler Nachrichten. 18.2.1974. № 41. S. 1; [Солженицын 1998, с. 53, 54]. Уже 19 февраля Солженицын опубликовал в Цюрихе комментарий, в котором указывал на журналистские манипуляции, связанные с его именем и его «путешествием» в Швейцарию. См.: NZZ. 20.2.1974. № 84. S. 2; Basler Nachrichten. 20.2.1974. № 43. S. 1.

⁹ Интервью с «Зюддойче Цайтунг» от 21 февраля 1974 г., цит. по: [Der Fall Solschenizyn 1974, S. 112]. Вот некоторые из «званий», которыми западная пресса наградила Солженицына в 1974 г.: «Человек титанической натуры» (NZZ. 15.2.1974. № 76. S. 1), «Чудо света» (Ibid. 17.2.1974. № 79. S. 2); «Борец за свободу» (Ökumenischer Rat der Kirchen, цит. по: NZZ. 19.2.1974. № 83. S. 23); «Несгибаемый, мужественный человек» (NZZ. 24.2.1974. № 91. S. 1).

«восточного блока». Левые политики были недовольны им, так как в отличие от таких диссидентов, как Вольф Бирман (Wolf Biermann), Солженицын не делал публичных высказываний в пользу социалистической системы [Zimmer 1974, S. 22]¹⁰. В свою очередь консервативный лагерь был разочарован тем, что не обнаружил у Солженицына безусловной приверженности «западным» идеалам. Действительно, хотя писатель и не скрывал своего презрения к коммунистической власти в СССР, «западная модель» для него тоже оставалась чуждой. Форма подачи информации и власть западных СМИ вызывали у него отторжение, он открыто говорил о разложении ценностей, распространении порнографии, снижении значения христианской религии, критиковал стиль одежды молодых женщин...

Критика Солженицыным Запада и его консервативные и патриотические взгляды на Россию вызывали у западной общественности недоумение¹¹. Сегодня очевидно, что советские диссиденты не вмещались в черно-белые схемы холодной войны. Люди, подобные Александру Солженицыну, часто становились мишенью для проекции желаемых образов, таких как «диссидент», «искренний противник коммунизма», «поборник западных ценностей» и т. д.¹² Когда выяснялось, что реальный человек не соответствует в полной мере этим желаниям и проекциям, он почти неминуемо вызывал разочарование. Подобные формы искаженного восприятия, направляемого идеальными ожиданиями, и напряжения в отношениях восточноевропейских диссидентов и западной общественности, возникавшие в результате таких недоразумений, заслуживают, с моей точки зрения, еще более пристального внимания со стороны исследователей¹³.

Правда, то обстоятельство, что в начале 1975 г. Солженицын, сев на самолет в Канаду, покинул страну и последующие пятнадцать лет не думал о возвращении в Европу, было во многом продиктовано и специфическим опытом писателя в Швейцарии.

В Цюрихе Александр Исаевич жил на улице Штапферштрассе, 45. По соседству — «скученные друг ко другу <...> дома», как и «везде» в Цюрихе [Солженицын 1998, с. 57]. Город Солженицыну «очень нравился» [Там же, с. 67], он был в восторге от его чистоты и от красоты горы Цюрихберг. Однако писателю довольно скоро стало ясно, что здесь, на «скрещенье всех европейских путей», ему «не дадут <...> работать» [Там же, с. 73]. Именно центральное географическое положение Швейцарии, ее открытость для международных контактов (что упрощало работу и зарубежным агентам, и разведывательным службам [Там же, с. 123]), а также почти полное отсутствие государственной власти в публичном простран-

¹⁰ О восприятии своей персоны на Западе Солженицын размышляет в собственных воспоминаниях: [Солженицын 1998, с. 63–64].

¹¹ Впервые это четко проявилось при освещении западной прессой полемики между Солженицыным и Сахаровым. Последний открыто полемизировал с солженицынским «Письмом вождям Советского Союза» (впервые напечатано в «Санди Таймс» 3 марта 1974 г.). Ср. по этому поводу также: [Солженицын 1998, с. 64–65].

¹² По ощущениям Солженицына, жители кантона Аппенцелль во главе с ландаманом приветствовали его так, словно он был «воином против зла» [Там же, с. 109].

¹³ Ср. исследовательский проект Майке Леман (Maïke Lehmann) (Кёльн) «Dissidents and the West. Soviet Exiles, Western Intellectuals and Political Culture during the Late Cold War».

стве, которая могла бы защитить его от журналистского напора, сформировали у Солженицына желание покинуть эту страну.

Наконец, недоумение у писателя вызвали правила швейцарской политической жизни. Исходя, очевидно, из своего образа Швейцарии, не свободного от идеальных ожиданий и представлений, Солженицын был уверен в том, что сможет найти здесь платформу для политической борьбы с ненавистными ему властями, как нашли ее в свое время другие знаменитые русские деятели вроде Герцена и Ленина [Солженицын 1998, с. 97]. Но когда в ноябре 1974 г. Александр Солженицын дал в своем доме пресс-конференцию, где критически отозвался о советском руководстве, в дело вмешалась полиция Цюриха для иностранцев (Fremdenpolizei) [Там же и далее]. Согласно решению швейцарского правительства от 1948 г., общественные политические заявления иностранцев допускались в стране только с ведомственного разрешения, которое необходимо было запрашивать не позднее чем за десять дней до начала запланированного мероприятия [Там же, с. 97]. Данные правила не совмещались со сложившимся у писателя образом демократической и свободной Швейцарии: «Десять суток! Фью-у-у-у! Вот так приехал в свободную страну! Да неужели же в свободной стране правительство отвечает за частные высказывания жителей? <...> Да мне и КГБ таких указаний не выставляло: не высказываться на политические темы или за десять дней спрашивать у них разрешения!» [Там же]. Разочарованный Солженицын отвернулся от «независимой свободной старейшей демократии Европы» и предпочел, как и другие представители второй волны эмиграции, уехать за океан.

Для меня остается открытым вопрос, насколько хорошо Александр Исаевич Солженицын познакомился со Швейцарией во время своего пребывания в стране в 1974–1975 гг. Помимо Цюриха, писатель побывал в Базеле, Берне, Лозанне, Женеве. Он был на Фирвальдштеттском озере и на горе Риги, ходил по следам лорда Байрона на Женевском озере, наблюдал в кантоне Аппенцелль работу прямой демократии. Однако не может не броситься в глаза большая заинтересованность Солженицына прежде всего во встречах с русскими и восточноевропейскими эмигрантами (правда, аудиенция с Набоковым так и не состоялась) [Там же, с. 88]. В большинстве случаев А.И. Солженицыну необязательно было прилагать какие-то усилия для этого — многочисленные эмигранты сами искали с ним встречи. Кроме того, Солженицын, как и многие русские путешественники до него, изучал маршруты своих знаменитых соотечественников, побывавших здесь. Он посещал места русских «революционеров», которые учились в Цюрихе, осматривал памятник Суворову, высеченный в ущелье Шёленен близ города Андерматта [Там же, с. 68, 89 и далее], и, конечно, ходил по следам знаменитого политического деятеля, который в это время особенно занимал его воображение.

В своих воспоминаниях о первых днях в Цюрихе Солженицын пишет: «Но главное же! — ленинский дом посмотреть, Шпигельгассе. <...> В первую же прогулку и идем с Беттой» [Там же, с. 53]. В последующие месяцы Александр Исаевич сознательно «...бродил <...> по ленинским местам» и часто проходил по Шпигельгассе, где находилась квартира Ленина. Впечатления, которые он собирал на этих прогулках, должны были войти в «ленинские главы» «Красного колеса» [Там же,

с. 68]. В ресторане «У белого лебедя» («Zum Weißen Schwan»), где он встречался с биографом Ленина Вилли Гаучи и сыном швейцарского вождя социалистов Платеном-младшим, Солженицын с удивлением обнаружил на стене портрет Владимира Ильича: «...так и заставили его быть свидетелем торжества над ним самим» [Солженицын 1998, с. 103].

В Цюрихе Солженицын решил отдельно опубликовать те одиннадцать глав своей книги о революции, которые описывают пребывание Ленина в Швейцарии [Солженицын 1975]. На месте он подробно изучал источники и соответствующую литературу и знакомился с каждым шагом Ленина в Цюрихе. Позднее в разговоре с одним журналистом он признавался: «Мне и усилий не нужно было делать над собой: я уже весь переключился на ленинскую тему. Где б я ни брел по Цюриху, ленинская тень так и висела надо мной»¹⁴. «Цюрихские ленинские главы» Солженицын смог закончить очень быстро: ему понадобилось на это всего пять недель. Правда, текст был написан не в самом Цюрихе, а в его нагорье — в тихом альпийском местечке Штерненберг [Солженицын 1998, с. 102 и далее; Сараскина 2009, с. 717–718].

Произведение «Ленин в Цюрихе», вышедшее в 1975 г. в парижском издательстве УМСА на русском языке, а чуть позже в переводах на английский и немецкий, представляет большой интерес именно с точки зрения истории памяти. В своем тексте Солженицын сочетает скрупулезную реконструкцию исторических фактов с психологическими характеристиками своего протагониста, которые несут явные черты художественного вымысла. Писатель старается не только детально реконструировать события биографии Ленина, охватывающие период между началом Первой мировой войны и его знаменитой поездкой в Петроград в «запечатанном вагоне» в феврале 1917 г. Созданный Солженицыным психологический образ революционного вождя читается и как явная противоположность советскому мифу о Ленине, пережившему новый расцвет после закрытого доклада Хрущева на XX съезде КПСС [Siegel 1984; Ericson, Klimoff 2008, p. 118 и далее]. Этот образ неизбежно провоцировал и западных поклонников вождя революционеров, стремящихся видеть в Ленине положительный антипод тиранической фигуре Сталина [Ibid.].

Ленин у Солженицына — не сверхчеловек и не великий теоретик революции, эффективно разрабатывающий путь России к социализму. Он — одинокий предводитель мелкой отколовшейся партии, который пораженно следит за событиями в своей стране из швейцарской изоляции¹⁵. Ленин Солженицына — это стремящийся к власти фанатик со своими человеческими недостатками. Он беспощаден как к внутривнутрипартийным критикам, так и к политическим противникам и готов заключить пакт хоть с самим дьяволом, чтобы достигнуть своих целей [Senn 1977]¹⁶.

¹⁴ Цит. по: [Schischkin 2003, S. 124]. Уже в «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын высказывал крайне критичное отношение к Ленину и его политике. О занятиях Солженицына Лениным в Цюрихе см. также: [Thomas 1998, S. 529 и далее].

¹⁵ «Что есть — Ленин как раз и не мог ответить, потому что: не было ничего. Швейцария была на одной планете, Россия на другой. У него было... Крохотная группа, называемая партией, и не все учтены, кто в нее входит, может и откололись» [Солженицын 1975, с. 153].

¹⁶ У Солженицына сказано, что Ленин был готов «взять в союзники хоть и Вильгельма, хоть и сатану — только бы сокрушить царя» [Там же, с. 121].

В связи с этим Солженицын акцентирует особое внимание на расчетливый союз Ленина с правительством Германского рейха. И хотя писатель оставляет открытым вопрос, в каком размере и каким образом Ленин получал германские деньги на финансирование революции, он не оставляет сомнений в том, что для достижения собственных политических целей в царской России вождь большевиков хладнокровно сотрудничал с военным противником.

При создании демонического, мрачного образа Ленина Солженицын не чуждается и расистских ассоциаций. Так, он подчеркивает «выплеск взгляда разящего из монгольских глаз» или «хитро-добродушный азиатский оскал» Ленина и его устрашающий голос, лишенный «сочной глубины», «режущий», «ближе к сабле калмыцкой» [Солженицын 1975, с. 50, 129].

Если Ленину Солженицын приписывает черты чужеродного азиата, который уверен в том, что «нет на Земле народа покорней и бессмысленней русского» [Там же, с. 85], то изображение революционеров ленинского окружения не свободно от антисемитских клише¹⁷. К Александру Гельфанду, или Парвусу, который хочет склонить Ленина к пакту с Германским рейхом, всегда применяется обращение «Израиль Лазаревич» (например: [Там же, с. 123, 150]). Солженицынский Парвус напоминает тип героя из трактата о еврейском мировом заговоре, он «революционер-миллионер» и воплощает «новый тип революционера», который «взвешивает миллионами — людей, рублей» [Там же, с. 134, 137]. Путем таких расистских и антисемитских намеков Солженицын экзотизирует приверженцев Октябрьской революции как людей, презирующих русский народ и чуждых национальному русскому характеру. Говоря более радикально, Александр Исаевич вычеркивает Ленина из русского сообщества памяти, выстраиваемого на национальной основе.

Чтобы открыть читателю доступ к эмоциональному и мыслительному миру своего протагониста, автор словно перевоплощается в фигуру Ленина. Например, мы становимся «свидетелями» моментов слабости Ленина, его внутренних сомнений и усталости: «Ну день <...>. Всё вываливалось и отвращалось, бесплодно просиживал часы. <...> Нет! Не строилась работа <...>. Ушла полнота из рассчитанного распорядка и осталось дупло. Голова заболела. Дышалось плохо. Противно даже стало смотреть на бумаги. <...> Сел — и осел, уменьшился. И в пружинах утоп, и голова утопла в плечи, совсем не осталось шеи: оттяжка темени — на спине, подбородок — на груди. И одной рукой, впереди себя, держался за край стола. Один глаз был полузакрит. А рот полуоткрыт. С губы торчала бесформенная щетинка крупноволосях усов» [Там же, с. 90–94]. Подобные изображения — и на этом, очевидно, вряд ли стоит останавливаться подробно — имеют мало общего с героическим образом Ленина в советских учебниках истории.

И хотя для написания книги Солженицын очень подробно изучал записи своего героя и другие исторические источники, при чтении некоторых внутренних монологов возникает сомнение, кому они принадлежат — Ленину или самому пи-

¹⁷ О расистских клише в книге «Ленин в Цюрихе» см.: [Serke 1982, S. 239]. О функции фигуры Парвуса см.: [Солженицын 1998, с. 103].

сателю. Так, вождь революционеров у Солженицына хвалит швейцарские библиотеки и почту: «исключительная культивированность и удобства жизни» [Солженицын 1975, с. 28]. В то же время писатель вкладывает в его уста слова о том, что Швейцария «безнадежно-тупоумная буржуазная» [Там же, с. 187] страна. На швейцарцев, как утверждает Ленин у Солженицына, в деле мировой революции рассчитывать не приходится: «Нет, их не поднять» [Там же, с. 181]¹⁸.

Во время прогулки своего героя по Цюриху Солженицын передает еще один внутренний монолог Ленина: «Узкие, узкие улочки старого города, в какую сторону ни иди — лабиринт. Заблудишься тут как мышь» [Там же, с. 200]. Чувствовал ли себя Ленин запертым в этой «проклятой сжатой узкой стране» [Там же, с. 179], как сказано у Солженицына, или это ощущение самого автора «Ленина в Цюрихе» — останется открытым¹⁹. Ведь Солженицын вскоре тоже, как мы знаем, сменил давящие узкие улочки Цюриха на просторы американского штата Вермонт²⁰.

Перевод с немецкого Светланы Сиротининой

Литература

- Гусева 1960 — Гусева З.А. Швейцарские зарисовки. М., 1960.
Максимов 1989 — Максимов М. Если бы Карамзин путешествовал сегодня // Литературная газета. 17.05.1989. № 20 (5242). С. 14.
Сараскина 2009 — Сараскина Л. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009.
Солженицын 1975 — Солженицын А. Ленин в Цюрихе. Париж: YMCA-Press, 1975.
Солженицын 1998 — Солженицын А. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 1998. № 9.
Bertschi 1991 — Bertschi E. Monolog statt Dialog. Sowjetische Reiseberichte über die Schweiz in der Ära Chruščev // Fakten und Fabeln. Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von M. Bankowski, P. Brang, C. Goehrke u.a. (Helbing und Lichtenhahn). Basel, 1991. S. 299–315.
Conquest 1976 — Conquest R. <Rez.:> «Lenin in Zurich» by Alexander Solzhenitsyn // The New Republic. 1976. Vol. 174, № 15. P. 23–24.
Der Fall Solschenizyn 1974 — Der Fall Solschenizyn. Eine Übersicht über die Sendungen des russischen Dienstes der Deutschen Welle. Köln, 1974.
Ericson, Klimoff 2008 — Ericson E.E., Klimoff A. The Soul and Barbed Wire. An Introduction to Solzhenitsyn. Wilmington, 2008.
Hosking 1976 — Hosking G. Solzhenitsyn on Lenin // Soviet Studies. 1976. № 28. P. 276–279.
Pearce 2011 — Pearce J. Solzhenitsyn. A Soul in Exile. San Francisco: Ignatius, 2011.

¹⁸ Ранее в книге приводится знаменитый афоризм Ленина о том, что Швейцария — самая революционная страна в мире, так как по традиции каждый швейцарец хранит дома ружье: «Да знаете вы, что Швейцария — революционнейшая страна в мире?» [Солженицын 1975, с. 49].

¹⁹ У самого Солженицына есть воспоминания о «тесной Швейцарии» [Солженицын 1998, с. 15].

²⁰ О «бегстве» Солженицына из Цюриха в 1976 г. см.: Solschenizyn für zwei Jahre in der Schweiz // NZZ online, 4.8.2008, <http://www.nzz.ch/aktuell/startseite/solschenizyn-schweiz-1.798426>, а также: Solschenizyns verlorene Jahre in der Schweiz // Berner Zeitung от 5.8.2008, <http://www.bernerzeitung.ch/kultur/buecher/Solschenizyns-verlorene-Jahre-in-der-Schweiz/story/20536828> (дата обращения: 29.07.2014).

- Riggenbach 1991 — *Riggenbach H.* Ivan Bunins Begegnung mit der Schweiz // Fakten und Fabeln. Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von M. Bankowski, P. Brang, C. Goehrke u.a. (Helbing und Lichtenhahn). Basel, 1991. S. 275–295.
- Schischkin 2003 — *Schischkin M.* Die Russische Schweiz. Ein Literarisch-historischer Reiseführer. Zürich: Limmat Verlag, 2003.
- Senn 1977 — *Senn A.E.* Solzhenitsyn and The Historical Lenin // Canadian Slavonic Papers. 1977. № 19. P. 153–160.
- Serke 1982 — *Serke J.* Die verbannten Dichter. Berichte und Bilder einer neuen Vertreibung. Hamburg: Albrecht Knaus, 1982.
- Siegel 1984 — *Siegel P.N.* Solzhenitsyn's Portrait of Lenin // Clio. 1984. Vol. 14, № 1. P. 1–13.
- Solschenizyn 1974 — *Solschenizyn.* Hier ist ihm alles viel zu eng // Der Spiegel. 1974. № 8.
- Solschenizyn im Spektrum der Meinungen 1974 — Solschenizyn im Spektrum der Meinungen. Reaktionen der Westschweizer // NZZ. 19.2.1974. № 83. S. 23.
- Thomas 1998 — *Thomas D.M.* Solschenizyn. Die Biographie. Berlin: Propyläen, 1998.
- Zimmer 1974 — *Zimmer D.E.* Der Beifall von der falschen Seite. Solschenizyns Waffem Kalten Krieg // Die Zeit. 8.2.1974. № 7.